

Л. Н. Серова, Морфологическая и синтаксическая структура послеложных конструкций в мокшанском и финском языках. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Саранск 2006. 167 с.

20 декабря 2006 г. на заседании диссертационного совета Д. 212.117.09 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора филологических наук при Мордовском государственном университете им. Н. П. Огарева состоялась защита кандидатской диссертации Лилии Николаевны Серовой на тему «Морфологическая и синтаксическая структура послеложных конструкций в мокшанском и финском языках». Работа выполнена под руководством доктора филологических наук профессора М. В. Мосина, официальными оппонентами выступили доктор филологических наук профессор А. Н. Куклин (Йошкар-Ола) и кандидат филологических наук доцент Л. И. Макушкина (Саранск).

Несмотря на множество исследований, посвященных послелогам и послеложным словам, морфологическая природа и синтаксическая роль послеложных конструкций мокшанского и финского языков не подвергались сравнительному анализу и лингвистической оценке.

По сути дела, без выявления общих и специфических черт в послеложных конструкциях родственных языков нельзя дать углубленную интерпретацию процессам исторической эволюции релятивных слов в грамматическом строе финно-угорских языков. Следовательно, одной из существенных задач сравнительно-исторического синтаксиса является решение вопроса о становлении и развитии послеложной конструкции. К его же компетенции относится определение причин, влияющих на модификацию послеложного управления, и описание трансформаций послеложных конструкций в падежные формы имени.

Несомненно, что тема рассматриваемой работы актуальна и обращение к ней своевременно не только в плане общетеоретических проблем финно-угроведения, связанных с самой природой

грамматических значений, но с точки зрения общих вопросов сравнительной грамматики мордовских и финского языков.

Структура работы (167 с. компьютерного набора) отличается стройностью и логичностью. Она состоит из предисловия (с. 4—6), основной части, включающей три главы (с. 7—139), заключения (с. 140—146). Библиографический список содержит 117 наименований (с. 147—156), список лексикографических источников — 22 наименования (с. 157—158), список художественной литературы — 56 названий (с. 159—162). Работу завершает приложение, где приведен список послелогов мокшанского и финского языков (с. 164—167). Всего в списке 92 мокшанских послелога, к 85 из них даны финские соответствия. Не имеют финского соответствия такие мокшанские послелоги, как *видеста* 'от' (с. 164), *каршеста* 'напротив', *каршева* 'напротив' (165), *потмова* 'внутри' (с. 166), *эшксса* 'у, возле, около', *эшкссста* 'из-за', *эшксс* 'за, позади' (с. 167). Некоторые мокшанские и финские послелоги имеют схожий облик и равнозначное или близкое содержание: *ала* — *alla*, *alhaalla* 'под', *алда* — *alta*, *alhaalta* 'из-под', *алу* — *all* 'под' (с. 164), *эса* — *-ssa*, *-lla* 'в; внутри чего-либо', *эзда* — *-sta/-stä* 'от (кого-чего-либо)' (с. 166).

Следует оговорить, что рубрики трех глав, выделенные на основе индексационного принципа нумерации, далеко не однородны как в смысле полноты, так и по характеру изложения. В одних случаях автору удалось привлечь материал всецело и дать его всесторонний анализ, в других — фрагментарно, не претендуя на систематизацию отдельных послелогов мокшанского или финского языка. Так, в финском языке, как и в мокшанском, послеложные конструкции употребляются в роли подлежащего, однако они встречаются редко. В составе подобных конструкций, как

верно подметила Л. Н. Серова, употребляется лишь послелог *kanssa* 'вместе' и глаголы в предложениях всегда фигурируют во множественном числе (с. 139).

Композиция работы подчинена поставленной цели — выявлению специфики категории послелога и рассмотрению морфологических и синтаксических особенностей послеложных конструкций в мокшанском и финском языках. В центре внимания — анализ морфологической структуры и морфологических особенностей мокшанских и финских послелогов; определение синтаксической роли мокшанских и финских послеложных конструкций; сравнение морфологической и синтаксической структур мокшанских и финских релятивных слов и послеложных конструкций (с. 4).

Теоретической и методологической основой исследования стали труды, посвященные общим и частным вопросам служебных слов.

Исследование проводилось на основе описательного метода, оперирующего наблюдениями над фактами современных мокшанского и финского языков в контекстах художественной литературы и произведениях устного народного творчества. При описании и объяснении языковых явлений использовался сравнительный метод. Его приемы особенно эффективны применительно к родственным языкам, в частности мокшанскому и финскому.

В предисловии (с. 4—6), по традиции, обосновывается выбор темы исследования, ее актуальность; формулируются цель и задачи работы; указываются источники и материалы исследования; интерпретируются лингвистические методы и приемы, нацеленные на сравнительный анализ категории послелога мокшанского и финского языков; раскрывается научная новизна работы, ее практическая и теоретическая значимость; отмечается апробация основных положений и результатов.

Глава 1 «История изучения послелогов» (с. 7—29) посвящена существующей литературе по данной проблеме. Л. Н. Серова справедливо отмечает, что воп-

росы, связанные с послелогом в финно-угорском и мордовском языкознании, получили достаточное освещение. Она отмечает, что подробное описание релятивных слов отдельных языков открывает широкие перспективы для сопоставительно-типологических изысканий общелингвистического плана (с. 29).

Для освещения вопроса «История изучения послелогов» Л. Н. Серова постаралась охватить все имеющиеся источники и дать им адекватный лингвистический анализ. Однако многие работы, ставшие библиографической редкостью, оказались недоступными для нее. К таким относится статья А. С. Кривошековой-Гантман «К вопросу о сопоставительных послелогох и прилагательных на *-a* в коми языках» (Советское финно-угроведение, Ленинград 1948 (Ученые зап. ЛГУ 105. Серия востоковедческих наук. Вып. 2), с. 250—256).

Эта статья А. С. Кривошековой-Гантман не утратила своего значения до сих пор. Азы исследований, заложенные трудами Д. В. Бубриха, были ею детально разработаны, некоторые спорные положения пересмотрены, и в результате создано новое целостное лингвистическое обобщение о сопоставительных послелогох и прилагательных на *-a* в коми языках. Анализ эмпирического материала позволил А. С. Кривошековой-Гантман сделать вывод о послелогох синтаксической службы и послелогох лексической службы (с. 12). Хочется привести из ее работы такой фрагмент: «В коми-пермяцком языке есть явления, резко отличающиеся от того, что мы находим в коми-зырянском языке.

Прежде всего обращает на себя внимание то, что в коми-пермяцком языке слова вроде *ыжда* (= коми-зыр. *ыджта*) и т.п. относятся только к чему-либо большому и т.п., но не к чему-либо малому и т.п.; рядом есть *поснита* и т.п. которые относятся к чему-либо малому и т.п. Нельзя сказать, например, *анькытши ыжда картовка* 'с горох большая картошка', а надо сказать *анькытши поснита картовка* 'с горох мелкая картошка'. Это определенно значит, что в ко-

ми-пермяцком языке в словах вроде *ыж-да* не забыто их настоящее лексическое содержание. В коми-пермяцком языке в таких словах еще нельзя видеть послелогов. Это еще прилагательные» (с. 13).

В этой связи интересно узнать, имеются ли подобные случаи в мордовских (мокшанском и эрзянском) языках?

Весьма актуальной, но еще недостаточно разработанной проблеме посвящена вторая глава «Морфологическая характеристика послелогов в мокшанском и финском языках» (с. 30—77).

Автор, рассматривая морфологическую структуру послелогов, солидаризируется с мнением марийского лингвиста С. С. Сибатровой, различающей серийные и несерийные послелогов (с. 31). Как серийные ею квалифицируются послелогов, составляющие полную систему древних или современных, иногда и древних, и современных пространственных падежных форм имени. К несерийным она относит все одиночные (т.е. представляющие какую-либо одну падежную форму) и те неодиночные послелогов, которые образовались от неполного и как бы случайного ряда локативно-лативных (редко субъектно-объектных) форм имени (С. С. Сибатрова, *Послелогов в марийском языке*. Автореф. канд. дисс., Тарту 1988, с. 8).

Вряд ли приходится сомневаться в том, что серия пространственных послелогов в мокшанском языке может состоять из четырех основных членов, соотносительных с местными падежами имени: инессивом, элативом, лативом/иллативом, пролативом (нахождение в чем-либо, направление от чего-либо, кого-либо; приближение к чему-либо, к кому-либо; передвижение по чему-либо (с. 32, 75)).

В финском языке послелогов, соотносительные с местными (внутренне-местными и внешне-местными) падежами имени, образуют наиболее сложную серию, состоящую из шести и более членов (с. 39, 75).

В связи с этим возникает вопрос: чем вызвано количественное расхождение пространственных послелогов мокшанского и финского языков?

Можно предположить, что расхождения эти вызваны реликтивными формами *l*-ового показателя, уцелевшего в некоторых наречиях и послелогов мордовских языков, указывающих на а) внешне-местное нахождение: *ало/ала* 'внизу, под', *удало/фтала* 'позади, за', *икеле/инголе* 'вперед, перед', эрз. *томбале* 'по ту сторону, за' (ср. мар. диал. *тумбалне* 'поодаль, вдаль, в отдалении от чего-либо'); б) отделение от какой-нибудь поверхности: *алдо/алда* 'снизу, из-под', *удалдо/фталда* 'сзади, из-за', *икельде/ингольда* 'спереди, из-за' (< *l* + аблатив *-ta/-tä*); в) направление: *алов/алу* 'вниз, под', *удалов/фталу* 'назад, за', *икелев/инголи* 'вперед, перед' (*l* + латив *η*, см. эрз. диал. *алоу, удалоу, икелеу* и др.) (Финно-волжская языковая общность, Москва 1989, с. 158).

В этой связи Г. И. Ермушкин справедливо замечает, что реликтивные формы, встречающиеся в наречиях и послелогов мордовских языков, сходны с серийей внешне-местных *l*-овых падежей финского языка; с падежом внешне-местного нахождения адессивом с суффиксом *-lla/-llä* (< **-lna-*, **-lnä*), ср. мордовские формы внешне-местного нахождения, называемые также адессивными, с суффиксами *-lo*, *-le*, *-la*; с внешне-местным отделительным падежом — аблативом с суффиксом *-lta/-ltä* (< *l* + аблатив *-ta/-tä*), ср. мордовские формы внешне-местного отделительного — аблатива с суффиксом *-to*, *-te/-ta*, с внешне-местным падежом направления аллативом с суффиксом *-lle* (< *leñ*), ср. мордовские формы внешне-местного направления латива с суффиксом *-n*, *-η*.

Вторая часть этих сложных суффиксов, как отмечает Г. И. Ермушкин, с соответствующими падежными формами с тем же значением имеется в финском языке с той лишь разницей, что если в прибалтийско-финских языках *-l* является суффиксом, концентрирующим вокруг себя внешне-местные падежи, то в мордовских *-l* считается не суффиксальным, а корневым. Отсутствие примеров, где *-l* был бы аффиксом, как полагает Г. И. Ермушкин, позволяет заключить, что в мордовском языке-ос-

нове не было внешнеместной серии с одним концентрирующим центром, а внешнеместное значение передавалось направительным и частично отложительным падежами. Частично внешнеместное значение передавалось серией внутреннеместных падежей, чаще же — с помощью послеложных конструкций (Г. И. Ермушкин, Типологическая эволюция системы местных падежей в мордовских языках. — Историко-типологические исследования по финно-угорским языкам, Москва 1978, с. 183).

В отличие от серийных послелогов несерийные (одиночные или изолированные), как говорит Л. Н. Серова, либо не оформлены никакими падежными показателями, либо оформлены некоторыми из них. Но она уточняет, что значения падежей, аффиксы которых принимают данные послелог, настолько далеки от приписанных им в падежной парадигме, что смело можно говорить о застывших формах этих падежей в данных послелогах (с. 52).

Опираясь на свой квантитативный анализ, Л. Н. Серова констатирует, что в финской послеложной серии может использоваться семь единиц. Очевидно, падежных? В то же время существительные склоняются по 15 падежам (с. 75). В этой связи, естественно, возникает вопрос: а как выглядит мокшанская послеложная серия на фоне падежной системы?

Главу завершают кратко сформулированные, но емкие по своей смысловой наполненности выводы (с. 74—77).

Третья глава «Синтаксические особенности послеложных конструкций в мокшанском и финском языках» (с. 78—139) является самой большой и наиболее теоретизированной частью работы.

Обобщенный в ней многообразный языковой материал по синтаксическим особенностям послеложных конструкций мокшанского и финского языков позволяет констатировать, что послелог обоих языков практически способны сочетаться со многими грамматическими классами слов. Характеризуя их употребление, Л. Н. Серова отмечает, что в первую очередь они обслуживают существительные (как нарицательные,

так и собственные, парные и отглагольные). Повышенная частотность употребления послелогов наблюдается также в сочетаниях со многими разрядами местоимений. По словам Л. Н. Серовой, «остальная доля релятивных слов приходится на числительные и субстантивированные части речи» (с. 137).

Следует уточнить, что субстантивируются не части речи, а слова, принадлежащие к какой-либо части речи (местоимения, прилагательные, глаголы, причастия и др.). Слова, подвергшиеся субстантивации, т.е. перешедшие в разряд существительных, утрачивают свою качественную семантику и приобретают способность непосредственно указывать на предмет.

Нельзя не согласиться с мнением Л. Н. Серовой о том, что отличительной особенностью мокшанского языка является способность его послелогов сочетаться с причастиями, например: *Авась сельмованфонц етафтозе озафнень ланга* (Кузнецов 1981 : 74) 'Женщина окинула взглядом сидящих (букв. провела взглядом по сидящим)' (с. 84, 137).

Особое внимание Л. Н. Серова уделяет формальному выражению имени, с которым сочетается послелог. Результаты такой процедуры свидетельствуют, что в мокшанском и финском языках управляемые имена при послелогах в большинстве случаев стоят в форме генитива, а некоторые послелог требуют аблативную и иллативную форму.

Различие усматривается в том, что в мокшанском языке имена в послеложных конструкциях могут быть в номинативе, в финском же релятивные слова часто употребляются с партитивом, реже с инессивом, элативом, иллативом, адессивом, аллативом, транслативом (с. 85—93).

Л. Н. Серова совершенно обоснованно отмечает, что синтаксической особенностью послелогов является то, что они не могут выступать в роли членов предложения, а участвуют лишь в послеложном управлении. При этом функцию члена предложения выполняет вся послеложная конструкция. Однако в мокшанском языке послелог,

принимая суффиксы сказуемости изменения, выступают в предложении в качестве одного из главных членов предложения — сказуемого. Этим формальным признаком, как подчеркивает Л. Н. Серова, предложение в мордовских языках существенно отличается от предложения не только в финском, но и в других финно-угорских языках (с. 134—136, 139).

Характеризуя послеложные сочетания, выражающие обстоятельственные, объектные, субъектные, определительные, предикативные отношения, автор иллюстрирует их хорошо проанализированными мокшанскими и финскими примерами из произведений художественной литературы. Точность и качество перевода финских предложений на русский язык отвечают требованиям переводческой деятельности и соответствуют стилистическим нормам современного русского литературного языка.

Творческую часть работы завершает заключение (с. 140—146), содержащее умело сформулированные выводы по трем главам.

Следует отметить, что Л. Н. Серовой поставлены и решены важные вопросы грамматики мокшанского языка: впервые в мордовском языкознании детально рассмотрена и системно описана категория послелога в сравнении с послеложными конструкциями финского языка.

Исследование обширного материала позволило автору сделать ряд тонких наблюдений, иллюстрирующих особенности послеложных конструкций мокшанского и финского языков.

Благодаря очень тщательной работе Л. Н. Серовой удалось сформулировать выводы о морфологической структуре и морфологических особенностях послелогов, синтаксической роли послеложных конструкций мокшанского и

финского языков, которые, несомненно, окажут большую помощь в изучении служебных частей речи финно-угорских языков, типологических исследованиях разносистемных языков, а также в деле составления сравнительной грамматики мордовских языков для вузов Мордовии.

В работе все же имеются отдельные недостатки: стилистические погрешности в переводах мокшанских и финских предложений (с. 34, 36, 45, 71, 73, 79); орфографические описки (с. 5, 21, 33, 72, 137, 153, 163); неточности в нумерации страниц. Отмеченные погрешности и неточности легко устранимы и не снижают общей положительной оценки исследования.

Резюмируя изложенное, можно констатировать, что Л. Н. Серова разрешила многие ключевые вопросы грамматики мокшанского и финского языков, до сих пор остававшиеся нерешенными в финно-угроведении. По своему содержанию предлагаемые решения не вызывают принципиальных возражений. Репрезентация конкретных наблюдений и выводы автора аргументированы, научно обоснованы. Теоретическая и практическая значимость их несомненна.

Работа может послужить хорошим подспорьем при составлении «Сравнительной грамматики мокшанского и эрзянского языков», «Сравнительной грамматики финно-волжских языков», «Сопоставительной типологии русского и мордовских языков».

АНАТОЛИЙ КУКЛИН (Йошкар-Ола)

Address:
Anatolij Kuklin
Mari State Pedagogical University
E-mail: markaf@mgpi.mari.ru
Phone: +8362 45-56-45